

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

О.Н. ЯНИЦКИЙ

МОДЕРН И ЕГО ОТХОДЫ

Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. Cambridge, UK: Polity Press, 2004.

Зигмунт Бауман — выдающийся социолог нашего времени. Каждая его работа (а им опубликовано 24 книги, большинство из которых переведено с английского на другие языки мира) читается, обсуждается, цитируется не только профессионалами, но и широким кругом интеллектуалов. По своей глубинной ориентации Бауман социальный критик — позиция не столь уж распространенная среди лидеров современной социологической мысли. Это означает, что, исследуя объективные тенденции становления Второго модерна, он всегда акцентирует внимание на цене этого процесса, его потерях и последствиях.

Новая книга Баумана — о тех сторонах сущности и логики развития модерна, о которых в научном и политическом сообществах предпочитают не говорить. «Человеческие отходы», не нужные этому обществу люди — мигранты, беженцы и другие его парии, — есть, по Бауману, неизбежный побочный продукт экономического прогресса и проблема того социального порядка, который характерен для Второго модерна.

Пока значительные части мира оставались частично или полностью вне процесса модернизации, пишет Бауман, они рассматривались модернизирующимися обществами как пространства, способные абсорбировать избыток населения в «развитых странах». Глобальные решения искались и временами находились для локальных ситуаций перенаселенности. Однако когда модернизация достигла самых отдаленных уголков планеты, избыточное население стало производиться

Яницкий Олег Николаевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН. Адрес: 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, строение 5. Телефон: (095) 128–86–76. Электронная почта: yanitsky@mtu-net.ru

езде. Теперь все местные сообщества вынуждены искать собственные решения для проблемы, которая является, по сути, глобальной.

Распространение модернити привело к появлению огромной массы людей, лишенных адекватных средств выживания; на планете остается все меньше мест, где они могли бы устроиться, закрепиться. Отсюда в развитых обществах возникают тревоги, связанные с «иммигрантами» и «ищущими убежища», что в политической повестке дня этих обществ проявляется как «страхи безопасности». Бауман исследует и объясняет влияние этих процессов на политику и культуру западных обществ; он полагает, что проблема «человеческих отходов» является ключом к пониманию многих трудноразрешимых проблем — от стратегии глобального доминирования модернити и вплоть до самых интимных аспектов человеческого бытия.

Рецензируемая книга состоит из введения и четырех частей. В первой части автор, рассматривая влияние социального «конструирования» на жизнь общества (дословно: “In the beginning was design, or the waste of order-building), утверждает, что такой метод (инструмент) строительства социального порядка всегда чреват человеческими «отходами». Во второй анализируются механизмы возникновения «лишних жизней» в ходе экономического прогресса. В третьей речь идет о самой глобализации как генераторе «человеческих отходов». Наконец, в четвертой рассматривается проблема «культуры избыточности». Поскольку книга написана в эссеистской манере, изобилует отступлениями и многочисленными «экскурсами» (в историю, психоанализ, культурологию и просто в личный опыт автора), мы здесь рассмотрим лишь основные, аналитические, линии повествования.

«Планета переполнена» — утверждение социологическое и политологическое. Оно говорит не о состоянии земной поверхности, а о целях и средствах к жизни людей, ее населяющих». На Земле исчезли «места-без-людей», то есть территории, свободные для заселения и колонизации (р. 5). Производство «человеческих отходов» есть неизбежное следствие модернизации и неотъемлемый компонент модернити. В частности, это неизбежный побочный продукт конструирования социального порядка, который всегда квалифицирует некоторую часть населения как существующую «вне места», «несоответствующую» или «нежелательную», а также продукт экономического порядка, который не может развиваться без деградации и обесценивания ранее эффективных жизненных укладов (р. 5). В итоге «переполненность планеты» означает «действительный кризис индустрии производства и хранения человеческих отходов», причем глобализация резко ускоряет этот процесс и придает ему новый масштаб — нет легко доступных способов ни для их «рециклирования», ни для их «хранения» (р. 6–7).

Но проблема «лишних людей» — это не только их проблема. Это источник страхов и тревог, переход от обеспокоенности экономическими и социальными проблемами к обеспокоенности личной, в том числе физической, безопасностью индивида. В свою очередь, процветающая индустрия безопасности быстро становится одним из главных ведомств по производству «человеческих отходов» и ключевым фактором в проблеме их «хранения» (р. 7).

Наконец это проблема (кризиса) культуры модерна, потому что проблема (человеческих) отходов и их «хранения» — это тяжкий груз для современной подвижной потребительской культуры индивидуализации. Отходы — в самом широком смысле, — насыщая все наиболее важные сектора социальной жизни, имеют тенденцию к доминированию над жизненными стратегиями людей и воздействуют на наиболее важные стороны человеческой активности, побуждая их к порождению их собственных (*sui generis*) отходов: мертворожденных, несоответствующих, несостоятельных или нежизнеспособных человеческих отношений, отмеченных печатью скорого исчезновения.

Бауман экспонирует и исследует феномен «избыточности», ненужности, неиспользуемости человека и его возможностей. Быть «избыточным» (термин, обозначающий в английском языке одновременно «сокращенный» и «уволенный») означает, что другие в вас не нуждаются, они могут сделать дело без вас и лучше вас (р. 12). «Избыточность» есть термин, близкий по смыслу к словам «негодный», «отбракованный», «мусор», в конечном счете — «отходы». «Избыточный» индивид чувствует себя социально бездомным, никому не нужным, не имеющим собственного жизненного проекта, который всегда считался внутренне присущим высокому модерну.

Конечно, и раньше были бездомные и лишние, но тогда они относились к четко очерченному социальному слою, порождались конкретной социальной ситуацией. Теперь каждый, оканчивающий школу или университет, может попасть в текучую и неопределенную ситуацию «избыточности». Растет ощущение того, что способы ее терапии, выработанные в прошлом, не работают. Проблемы современности — это не проблемы средств, как раньше, а проблемы целей, которые формулируются и структурируются далеко за пределами индивидуальных возможностей. «Представляется, — пишет Бауман, — что истоки наших забот отодвинулись далеко за пределы, которых мы можем достичь» (р. 16–17).

Бауман отводит большое место проблеме «отходов» в анализе процессов конструирования социального порядка в эпоху модерна. «Существуют два радикально различных способа создания нового» (р. 20). В критике такого конструирования Бауман использует модельный пример различий между сельским хозяйством и добывающей промышленностью, заимствованный им у Л. Мамфорда. Первое

представляет собой непрерывный процесс, рост как постоянное подтверждение и продолжение бытия, где ничего не теряется, тогда как вторая являет собой воплощение разъединения. В эпоху модерни новое не может быть создано, пока что-то не будет расчленено, разрушено или отброшено. Чтобы что-то сотворить, создать, сконструировать, что-то другое должно быть превращено в отходы (р. 21). «Акт созидания достигает своей кульминации и полного воплощения в акте сепарации и избавления от отходов» (р. 23). В этой связи Бауман напоминает этическую максиму, сформулированную М. Дуглас: никакой объект не является «отходом» ни по своему внутреннему качеству, ни по логике своего развития.

Современный мир, пишет далее Бауман, обуреваем идеей изменения, всяческих новаций и особенно — идеей проектирования, конструирования. Суть «проекта» модерна — быть в постоянном движении. В деле проектирования и конструирования современный ум не имеет себе равных — в конечном счете проектирование стало самовоспроизводящимся процессом (р. 23). Однако, подчеркивает автор, всякий замысел имеет цену, всякий проект чреват риском (здесь Бауман очень близок к идее «общества риска» У. Бека). Основная стратегия и неустрашимый эффект проектирования есть разделение материальных результатов социального действия на то, что «имеет значение», и то, что «не имеет», то есть на полезный продукт и отходы (р. 25). Бауман подчеркивает, что такая установка сложилась исторически: всегда имел значение только конечный «продукт», и никогда — «отходы». Наше время, иронизирует автор, «размещает» последние самым радикальным образом: оно делает их невидимыми, избегая смотреть на них, и невероятными (немыслимыми), просто не давая труда себе задуматься над ними (р. 27). Это вполне естественно, потому что отходы — темная сторона и постыдный секрет любого производства. Желательно, чтобы это так и оставалось секретом. Капитаны большой индустрии предпочитают не говорить о них вовсе.

Но там, где проект, — там и отходы. Ни одна постройка не может считаться завершенной, пока участок не будет очищен от «нежелательных» отходов. То же можно сказать и о конструировании форм человеческих общностей — этот процесс тоже производит отходы. Ведь не всякий человек соответствует некоторому «проекту» и, следовательно, может быть включен в него. Поэтому, говорит Бауман, другое имя процесса конструирования улучшенных человеческих общностей — это социальный порядок (р. 30). Хаос есть обратная сторона социального порядка. Порядок невозможен без хаоса, как не может быть головы без туловища или света без тени. Хаос, беспорядок, отсутствие закона означают бесконечность возможностей и потенциально неограниченные рамки «включения». Порядок же есть ограниченность и конечность. В упорядоченном пространстве далеко

не все может случиться (р. 31). Упорядоченное пространство есть пространство, управляемое правилами и законами, а они существуют лишь тогда, когда кто-то может «исключать» и «запрещать». Всякий закон есть конструкция (проект, программа) чего-то ясно обозначенного, четко отграниченного, нанесенного на карту и снабженного «указателями». Беззаконие — это не просто отсутствие закона, оно возникает вместе с приостановкой действия или отказом от закона. Здесь базовое понятие — исключение (р. 31).

В эпоху модернити национальные государства присвоили себе право решать, что является порядком и что — хаосом, что — законом и что — беззаконием, кто гражданин, а кто — пария, право определять «принадлежность» и «исключение», наконец, устанавливать, что есть полезный (законный) продукт и что — отходы. Сегодня государство может и не претендовать на всеобъемлющее конструирование социального порядка, однако оно по-прежнему притязает на фундаментальную конституирующую прерогативу суверенности: на право исключать (р. 33).

Бауман показывает, что «избыточное население» есть также одно из неизбежных следствий характера мышления и психологического настроения правящей элиты. Всегда, иронизирует автор, с ее точки зрения было слишком много «их». «Они» — это те, которых хорошо бы, чтобы было поменьше, а лучше всего — не было совсем. «Мы» — это те, которых должно быть больше. И это наш постоянный повод для беспокойства. Локальная перенаселенность должна быть решена на глобальном уровне (р. 34-35). В результате «избыточное население» всегда находится в безвыходной ситуации. Если оно пытается встроиться в модернизированный уклад жизни, то его тут же обвиняют в греховной самонадеянности, ложных претензиях и просто в наглости, если не в криминальных наклонностях. Когда же оно открыто отказывается следовать господствующему образу жизни, продолжает Бауман, этот отказ рассматривается как подтверждение того, о чем «общественное мнение» (вернее, избранные или самовыдвинувшиеся публичные фигуры) «твердит вам все время», а именно, что «избыточное население» — не просто чужаки, а раковая опухоль на здоровом теле нашего общества и заклятый враг нашего образа жизни. Таким образом, это разделение и противопоставление двух частей человечества — еще одно следствие модернизации; оно влечет за собой массу других негативных явлений и, в частности, уже упоминавшиеся страхи обеспеченного населения относительно его личной безопасности. Бауман подчеркивает, что это следствие не столько международного терроризма, сколько каждодневного соседства «благополучных и обеспеченных» с сообществами беженцев и иммигрантов в больших городах Европы и США (р. 55).

Но дело не только в территориальном соседстве с нежелательным элементом в мегаполисах «золотого миллиарда». В новой крепости,

именуемой Объединенной Европой, говорит Бауман, складывается новая социальная иерархия. Польша, Болгария, Венгрия, Чешская республика являются по существу крепостными эпохи модерна, поставляя дешевую рабочую силу «развитой» Западной Европе.

Обозначенные выше процессы, полагает автор, воспроизводятся в глобальном масштабе, проявляясь на поверхности как криминализация мира и глобализация криминала. Однако главная проблема заключена в другом — в зарождении суперкласса, который при отсутствии инструментов глобального контроля действует свободно и только в своих интересах. Не создано еще пока глобальных законов, которые нельзя было бы нарушать, нет и закона, позволяющего отделить честный бизнес от криминального. И не существует какой-либо глобальной политики, которая пыталась бы выработать скоординированную систему правил игры. Но если бы даже это удалось, все равно ситуация оставалась бы странной: есть правила, но нет «верховного правителя» (р. 65). Неопределенность ситуаций и порождаемые ими страхи и тревоги всего населения планеты суть главные следствия глобализации.

Поскольку модернизация и сопутствующее ей «наведение порядка» распространяются повсеместно, то и «человеческие отходы» производятся во всевозрастающих масштабах. Однако при отсутствии свалок (refuse tips) для хранения и возможного, хотя бы в отдаленном будущем, «рециклирования» этих отходов ситуация становится тупиковой. Бауман цитирует Р. Люксембург, которая еще сто лет назад писала, что некапиталистические формы организации жизни суть питательная среда для роста капитала — он произрастает на их руинах (р. 70).

Трагедия парий «золотого миллиарда» в том, что они — «отходы навсегда». Прежде всего, это касается беженцев из еще не охваченных модернизационным процессом частей света — они не имеют никакой перспективы в «новом бравом мире». Однажды став беженцами, они остаются ими навсегда; они — абсолютные аутсайдеры, люди «вне места», они не могут ни включиться в «новый мир», ни вернуться назад. Гетто, этот древний социальный институт, воспроизводится нынешним процессом модернизации вновь и вновь.

Практически, заключает Бауман, непосредственное соседство обширных и продолжающих расти агломераций лишних и продвинутых людей приводит к жесткой сегрегационной политике и принятию экстраординарных мер безопасности против любых «чужаков», так как считается, что «здоровое общество» и «нормальное функционирование» системы модернизи (читай, стран «золотого миллиарда») находятся под угрозой. Это также означает, что доверие постепенно вытесняется подозрительностью, человеческие связи изначально ставятся под сомнение, трактуются как ненадежные, как «засады» или «капканы» (р. 92).

Мне, занимающемуся проблемами российского «общества риска», мысли З. Баумана близки и понятны. За годы реформ уже сотни тысяч жителей бывшего СССР стали «отходами» трансформационного процесса, еще многие тысячи беженцев оказались в России без всяких перспектив найти работу, жилье и обрести достойный образ жизни. Для многих Россия стала «транзитным пунктом» на пути в никуда. Для ассимиляции притока мигрантов, на который уповают некоторые наши демографы как на средство стабилизации численности населения страны, нужен иной социальный порядок и, прежде всего, низовая самоорганизация населения, саморегулирование и самоуправление на местах. До тех пор, пока эта низовая функциональная структура общества не будет восстановлена, нет никаких предпосылок того, что процесс накопления «лишних людей» не будет углубляться со всеми теми последствиями, о которых писал Бауман. С другой стороны, «золотому миллиарду» просто не нужно такое количество людей — ни квалифицированных рабочих рук, ни иждивенцев. Поэтому, если бы книга вышла десять лет назад, ее можно было бы назвать предупреждением. Но сегодня она — уже во многом описание реальности, в которой мы живем.

Дабы не выглядеть кабинетным ригористом, приведу мнение авторитетного специалиста. «[Если] человек из положения сирого и убогого за пять–семь лет не вкарабкался, то к нему теряется всякий интерес. Меняется структура социальных контактов. Иными словами, человек становится изгоем. Таких изгоев в России — 12 миллионов. Это не бомжи. Это нормальные люди, которые просто пытаются свести концы с концами, но вместе с тем находятся вне общества. Наиболее типичные представители этого слоя — беженцы. Их шансы на полноценное включение в общество практически равны нулю. Даже в богатой Европе. А у нас тем более. Социологи называют такое явление эксклюзией. Это — реальная проблема катастрофического характера, которой никто не занимается. С середины 1990-х годов в семьях отверженных вырастают дети, которые зачастую бросают школу. И что прикажете делать через пять–десять лет с этой массой неквалифицированных, но амбициозных и озлобленных молодых людей?» [1]. Если же книги надоели, взгляните на экран: «Последний герой», «Слабое звено» и им подобные шоу суть телеверсии тех же принципов — вытеснения, блокирования и исключения, описанию которых, Бауман посвятил свою предыдущую книгу [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Тихонова Н. Ненависть к богатым в России — миф // Новая газета. 2004. 29.04–06.05. С. 8.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество: Пер. с англ. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002.